

„Истинная Исторія Карпато-Россовъ“ А. В. Духновича.

Значеніе А. В. Духновича, какъ угро-русскаго историка

Александръ Васильевичъ Духновичъ (1803—1865), литературная дѣятельность котораго составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи Угорской Руси, былъ одновременно поэтомъ, драматургомъ, педагогомъ и историкомъ. Такъ какъ его біографія и характеристика важнѣйшихъ произведеній даны въ нашей книгѣ „*Карпато-русскіе писатели*“ (стр. 49—61; то же самое см. Русскій Архивъ, 1913 г., № 2), то здѣсь мы остановимся исключительно на выясненіи вопроса, какое значеніе имѣетъ А. В. Духновичъ, какъ историкъ Угорской Руси.

Наступившее въ 1848 году національное возрожденіе Угорской Руси поставило предъ ея народными дѣятелями и писателями чисто практическую задачу: изданіе пособій, по которымъ русское населеніе могло бы получать образованіе. Въ этомъ именно направленіи больше всѣхъ другихъ угро-россовъ потрудился А. В. Духновичъ, напечатавшій „Литургическій катехизисъ“ (выдержавшій около десяти изданій), молитвенникъ „Хлѣбъ души“, географію „Краткій земленисъ“, „Сокращенную грамматику письменнаго русскаго языка“ и „Народную педагогію“. Такимъ образомъ, не доставало только учебника по исторіи Угорской Руси.

Когда А. В. Духновичъ принялся за составленіе своей „Истинной Исторіи Карпато-Россовъ“, то у него было всего три предшественника: Іоанникій Базиловичъ, И. С. Орлай и Михайлъ Лучкай.

Познакомимся съ жизнью и научно-литературною дѣятельностью названныхъ писателей.

Іоанникій Базиловичъ (1742—1821) родился въ бѣдной семьѣ села Глиницъ, Ужгородскаго округа. Съ юныхъ лѣтъ онъ полю-

билъ науку и, несмотря на скудные средства своихъ родителей, отправился въ школу сначала въ Ужгородъ, а затѣмъ въ Кошицы. Послѣ успешнаго окончанія названныхъ школъ, онъ поступилъ въ монастырь на горѣ Чернецкой, близъ Мукачева. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, Іоанникій Базиловичъ вскорѣ былъ избранъ протоіегуменомъ всѣхъ униатскихъ монастырей въ Угорской Руси и занималъ эту должность цѣлыхъ 38 лѣтъ, живя въ Мукачевѣ. Тогда же онъ задумалъ написать исторію угро-русской церкви, и съ этой цѣлью ознакомился почти со всею литературой, касающейся прошлыхъ судебъ русскихъ монастырей въ Угріи. Результатомъ его неустанныхъ трудовъ явилось латинское сочиненіе „*Kratkija svjdnija obь uctreжденіяхъ Теодора Кориатовича*“ („*Brevis notitia fundationis Theodori Koriatovits*“; 1—3 части этого труда вышли въ 1799 г., а 4—6 части—въ 1804 г.). Это изслѣдованіе было первымъ по времени трудомъ, которое познакомило образованныхъ угро-россовъ съ ихъ историческимъ прошлымъ. Іоанникій Базиловичъ написалъ по-латыни еще два другихъ сочиненія, оставшихся, однако, въ рукописи. Его трудъ, написанный на церковно-славянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Объясненіе литургіи“ не увидѣлъ свѣта, вслѣдствіе излишней придирчивости тогдашняго цензора Григорія Тарковича, сдѣлавшагося съ 1816 года Пряшевскимъ епископомъ.

Иванъ Семеновичъ Орлай (1770—1829) родился въ Угорской Руси. Оставивъ мѣсто учителя въ гимназіи въ Великихъ Карловцахъ, онъ отправился весной 1791 года въ Россію. Въ 1793 году онъ окончилъ медико-хирургическое училище въ Петроградѣ и состоялъ нѣкоторое время военно-больничнымъ врачомъ, а въ 1794—1797 годахъ въ качествѣ правительственнаго стипендіата изучалъ медицину въ Вѣнскомъ университетѣ. По возвращеніи въ Петроградъ, И. С. Орлай послѣдовательно проходитъ служебную карьеру: сперва больничнаго врача и помощника ученаго секретаря Медицинской Академіи, затѣмъ штабъ-лѣкаря, помощника лейбъ-медика, ученаго секретаря Медицинской Академіи, гофъ-медика, сотрудника придворнаго доктора барона Виліе по изданію „Полевой Фармакопеи“, наконецъ—кандидата на кафедрѣ медицины въ Московскомъ университетѣ, директора Нѣжинской гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко (1821—1826 гг.) и Ришельевского Лицея въ Одессѣ (1826—1829 гг.).—Занимаясь не только медициной, но и историко-философскими науками, И. С. Орлай получилъ степень магистра словесныхъ наукъ и доктора философіи въ Кенигсбергскомъ университетѣ (въ 1806 году), состоялъ членомъ многихъ ученыхъ Обществъ въ Россіи и Германіи, почетнымъ членомъ

русской Академіи Наугъ, и дѣйствительнымъ членомъ (съ 1815 г.) Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, которому сообщилъ много цѣнныхъ матеріаловъ по южно-русской исторіи (см. И. С. Свѣнцицкій, „Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси“, Львовъ, 1905, стр. 22—23). Особенно должна быть отмѣчена статья И. С. Орлая „Исторія о Карпато-Россахъ“ („Сѣверный Вѣстникъ“, 1804 г., части 1 и 3), на которую ссылается въ своемъ сочиненіи А. В. Духновичъ.

Михаилъ Лучкай (или Лучкаи; годъ рожденія неизвѣстенъ; умеръ въ 1843 году). Объ этомъ угро-русскомъ историкѣ сохранились лишь весьма скудныя біографическія данныя. Вотъ что сообщаетъ его землякъ, тоже извѣстный писатель Угорской Руси, о. Анатолій Кралицкій (см. А. Л. Петровъ. „Матеріалы для исторіи Угорской Руси“, Петроградъ, 1905 г., вып. I, стр. 18):

„Касательно личности Мих. Лучкаи, мнѣ только то извѣстно, что онъ родился въ селеніи Лучки (Luscka) Берегскаго комитата, котораго года. не знаю. Фамиліное имя его было *Матяцко*, а *Лучкаи* самъ себѣ далъ отъ села своего рожденія. Поступивъ въ клиръ Мукачевской епархіи, какъ новосвященникъ, посланъ былъ епископомъ Алексѣемъ Повчи придворнымъ священникомъ въ италійскій городъ Лука (Toscana-Pisa) къ владѣтельному князю этой области крошечной, Людовику де Бурбонъ. Тамъ написалъ свои церковныя проповѣди, съ вылишеніемъ полугласной буквы „ъ“, а по тому и извѣстную грамматику славяно-русскаго языка по латыни. За ходатайствомъ своего патрона—князя получилъ отъ Лукскаго епископа титулъ почетнаго praepositus tit. beatae Mar. Virg. de Luca. Послѣ возвратился въ епархію, написалъ извѣстную рукопись и былъ приходскимъ священникомъ въ Унгварѣ, на Цеголни, гдѣ и померъ.

„Владѣтельный князь Лукки, Бурбонъ, желалъ быть королемъ освобожденной Греціи, ввести тамъ унию, но этому воспротивилась Россія, и былъ назначенъ королемъ Отгонъ Баварскій. По этой причинѣ онъ держалъ у себя униатскихъ священниковъ изъ Мукачевской епархіи, каковыя были: Лучкаи, два Лабанцы, Микуличъ, Талапковичъ, а на послѣдокъ нашъ іеромонахъ Авраамій Сючъ. Бурбонъ обзавелся придворною церковью, гдѣ совершалось ежедневно богослуженіе, на которомъ и самъ присутствовалъ, даже кое-когда и канонъ по старославянски читалъ.

„Почему не держалъ онъ себѣ, готовясь въ короли греческіе, греческихъ священниковъ изъ среды итало-грековъ—неизвѣстно“.

Михаилъ Лучкай издалъ первую по времени грамматику угро-русскаго нарѣчія, сравнивъ его съ церковно-славянскимъ языкомъ. Въ предисловіи къ этой грамматикѣ авторъ высказалъ свои славянофильскіе взгляды на необходимость литературнаго единства славянъ при помощи церковно-славянскаго языка. Такъ какъ взгляды автора по этому вопросу весьма характерны, то приведемъ соотвѣтствующее мѣсто изъ предисловія къ его грамматикѣ: „Какимъ колоссомъ сдѣлался бы старо-славянскій языкъ, если бы онъ остался литературнымъ. Французскій, итальянскій, и особенно нѣмецкій литературные языки не сходны съ народными языками, а между тѣмъ никому и въ умъ не приходитъ предпочитать простонародныя формы и выраженія—литературнымъ. Одни славяне ревностно заботились и заботятся о томъ, чтобы литературный языкъ сблизить съ народнымъ, полагая, что такимъ образомъ легче можно изучить и усвоить его“.

Авторъ напечаталъ еще одно сочиненіе и по-русски подъ заглавіемъ „Церковныя бесѣды на всѣ недѣли рока на поученіе народное“ (Будапештъ, 1831 г., въ 2 томахъ). Кромѣ того Лучкай написалъ шеститомное латинское изслѣдованіе „Исторія Карпато-Россовъ“ („*Historia Carpatho-Ruthenorum*“), цѣнное главнымъ образомъ по множеству собранныхъ авторомъ матеріаловъ, теперь или утраченныхъ, или малодоступныхъ. До сихъ поръ „Исторія Карпато-Россовъ“ остается въ рукописи. (Этотъ трудъ почти цѣликомъ использовалъ, хотя и не совсѣмъ умѣло, Іоаннъ Дулишковичъ (1815—1883) въ своемъ трехтомномъ сочиненіи „Историческія черты угро-русскихъ“, Ужгородъ, 1874, 1875 и 1877 гг.).

. Трудami своихъ русскихъ предшественниковъ А. В. Духновичъ, при составленіи „Истинной Исторіи Карпато-Россовъ“, могъ воспользоваться лишь отчасти: сочиненіе Іоанникія Базиловича успѣло уже тогда устарѣть, статья И. С. Орлая была посвящена главнымъ образомъ древнему періоду угро-русской исторіи (т. е. до эпохи князя Феодора Коріатовича), касаясь позднѣйшихъ событій (отъ Коріатовича до принятія уніи) лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, а рукописное сочиненіе Михаила Лучкай, вѣроятно, не было даже извѣстно нашему автору, такъ какъ онъ нигдѣ на него не ссылается.

Что же касается мадьярскихъ предшественниковъ, какими были: Прай, Катона, Бардоши и Сирмай, то ихъ сочиненія мало пригодны для историка Угорской Руси, такъ какъ, во-первыхъ, лишь мимоходомъ касаются угро-русской исторіи, обращая главное вниманіе на историческое прошлое мадьяръ, а во-вторыхъ, часто не отличаются научнымъ

безпристрастіемъ, когда излагають событія, имѣвшія мѣсто у не-мадьярскихъ народностей.

Такимъ образомъ, А. В. Духновичу оставалось лишь одно—самостоятельно изложить исторію Угорской Руси, или, по крайней мѣрѣ, выяснитъ важнѣйшіе моменты ея исторической жизни.

Рукопись А. В. Духновича хранится въ фундаментальной библиотекѣ Московской Духовной Академіи (Сергіевъ Посадъ), куда поступила по духовному завѣщанію послѣ смерти (1885 г.) протоіерея Вѣнской русской посольской церкви М. Θ. Раевского, которому авторъ подарилъ свою „Исторію“.

Сочиненіе А. В. Духновича напечатано нами впервые*), причемъ сохранены особенности правописанія подлинника.

Рукопись написана рукою самого автора и содержитъ 216 страницъ въ 8-ую долю листа. Бумага частью синяя, частью же бѣлая. Первый листъ чистый, а на второмъ написано слѣдующее заглавіе:

„Истинная Исторія Карпато Россовъ . или Угорскихъ Русиновъ, изданна Народолюбцемъ, Александромъ Духновичемъ. 1853“.

На третьемъ листѣ находится слѣдующая надпись автора:

„Любезный Другъ!

„Се отдаю Ти короткой вытягъ Исторіи Русиновъ Угорскихъ, отъ злостливыхъ Мадяровъ толико потупленныхъ. Я не много написавъ, вручаю Тебѣ больше правды искать, которую найпаче Святый Римскій дворъ удусилъ, а Іесуиты совсѣмъ уничтожили... Ты читай больше, и гряди по сему дѣльцу, множество правдъ ти ся покажетъ.

„Здравствуй

Д у х н о в и ч ъ“.

На другой сторонѣ того же третьяго листа авторомъ написано:
„Veritas odium parit. Правда очи колетъ.

Предисловіе“.

Рукопись раздѣляется на шесть слѣдующихъ параграфовъ:

§ 1. О исходѣ Карпато-Россовъ.

§ 2. О имени Русиновъ.

*) Русскій Архивъ, 1914, I, стр. 529—559.

§ 3. О древнемъ и новѣйшемъ Угрососовъ состояніи.

§ 4. Особенныя доказательства о блаженнѣйшемъ Россіанъ въ Угорщинѣ состояніи.

§ 5. Доля Вгорскихъ Россіанъ измѣнилась и они утѣнены.

§ 6. Состояніе Русиновъ подъ Царями Угорскими.

Передадимъ вкратцѣ содержаніе рукописи и отмѣтимъ при этомъ руководящія идеи ея автора.

Въ § 1 („О исходѣ Карпато-Россовъ“) А. В. Духновичъ прежде всего отмѣчаетъ, что начало исторической жизни угро-руссовъ покрыто мракомъ неизвѣстности. Что же касается вопроса о времени ихъ поселенія въ сѣверо-восточной Угріи, то авторъ вслѣдъ за Базиловичемъ и Орлаемъ утверждаетъ, что русское населеніе существовало здѣсь еще до прихода мадьяръ, занимая не только сѣверную Угрію, но. и часть Панноніи; кромѣ того русскіе пришли въ Угрію вмѣстѣ съ мадьярами въ IX вѣкѣ, а также переселялись сюда и въ послѣдующія столѣтія.

Къ такому же выводу пришелъ въ своей статьѣ „Русь Угорская“ („Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества“, Петроградъ, 1852 г., IV. кн. 1) И. И. Срезневскій. который пишетъ:

„О древнихъ судьбахъ Русиновъ за-карпатскихъ ни лѣтописи, ни преданія не сохранили никакихъ вѣрныхъ показаній. Нельзя сказать съ достовѣрностью, были ли они, всѣ ли вообще или частями, въ концѣ IX вѣка подданными князя Кіевского Олега и его современника князя Моравскаго Святополка: нельзя опредѣлить, когда именно они принуждены были подчиниться власти мадьяровъ, до паденія ли княжества Моравскаго въ 907 году или позже. Только русская вѣра ихъ свидѣтельствуетъ, что они приняли христіанство не послѣ мадьяровъ, не черезъ нихъ. а свидѣтельства объ учрежденіи епархіи въ Венгріи королемъ Стефаномъ даютъ знать, что русины не были причислены ни къ одной изъ нихъ и слѣдовательно подчинены были особенной... Въ туманѣ остаются судьбы за-карпатскихъ русиновъ не только до XIII вѣка, но и позже. Въ лѣтописяхъ и грамотахъ ихъ сосѣдей отыскиваются только отрывочныя напоминанія объ ихъ краѣ и ничего о народѣ“.

Сопоставленіе миѣній А. В. Духновича и И. И. Срезневскаго тѣмъ болѣе интересно, что они возникли совершенно независимо одно отъ другого и притомъ почти одновременно.

Въ § 2 („О имени Русиновъ“) авторъ даетъ объясненія какъ общихъ, такъ и частныхъ названій угро-руссовъ. Такъ, нѣмцы ихъ

обыкновенно называют рутенами (а презрительно—русняками), мадьяры и вообще монголы—оросами, сами же себя угро-руссы называют русинами, русаками и руснаками. Кромѣ этихъ общихъ названій существуетъ еще много частныхъ, какъ напримѣръ: лишаки, лимакы, цопаки (отъ произносимыхъ при разговорѣ присловій); верховинцы, подгоряне, крайняки и бережанцы (въ зависимости отъ мѣстожителства); бляшаники, грабляники и свѣчкари (отъ характера одежды). Затѣмъ подробно перечисляются мужскія имена, даваемые отдѣльнымъ лицамъ при крещеніи, причѣмъ авторъ утверждаетъ, что древніе мадьярскіе военачальники и вельможи носили русскія имена: свои доказательства А. В. Духновичъ основываетъ на томъ, что имена мадьярскихъ вождей ничего не значатъ по-мадьярски, въ то время какъ въ русскомъ языкѣ имъ соотвѣтствуютъ опредѣленные понятія.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ проникло за Карпаты русское имя, является однимъ изъ самыхъ сложныхъ и малоразработанныхъ вопросовъ русской исторической науки. Впервые обратилъ на это вниманіе ученыхъ Н. И. Надеждинъ, который въ своей „Запискѣ о путешествіи по южно-славянскимъ странамъ“ („Журналъ Мин. Народнаго Просвѣщенія“, 1842 г., ч. 34) писалъ слѣдующее:

„До сихъ поръ всѣ изслѣдованія нашихъ историковъ, этнографовъ и археологовъ обращались преимущественно, даже можно сказать исключительно, на Русь, заключающуюся въ обширныхъ предѣлахъ Россійскаго государства. И здѣсь еще, особенное, впрочемъ весьма естественное предпочтеніе оказывалось Руси Сѣверо-Восточной, основательницѣ настоящей славы и величія имени русскаго.

„Русь Юго-Западная, коей чистѣйшая и самообразнѣйшая часть уходитъ изъ предѣловъ Россійской Имперіи, простирается за Карпаты до Дуная, во всю длину его теченія по древней Панноніи—эта Русь едва удостоивалась мимоходнаго упоминовенія въ предисловіяхъ къ Русскимъ исторіямъ. Доходило даже до того, что сознаніе нашего кровнаго родства и единства съ Юго-Западными нашими соименниками.—сознаніе столь ясное и живое, какъ напр. во время Герберштейна, который всѣхъ Руссовъ признавалъ и называлъ равно Руссами—затмевалось совершенно въ новѣйшихъ бытописателяхъ и изслѣдователяхъ, впрочемъ достойныхъ всякаго уваженія своею ученостью и добросовѣстностью. Причина тому, очевидно, заключалась въ ложномъ предубѣжденіи, распространенномъ венгерцами, а вслѣдъ за ними и другими европейскими историками, кои, съ неслѣзныхъ словъ

безымяннаго нотарія короля Бѣлы, повторяли въ одинъ голосъ, что Руссы венгерскіе увлечены за Карпаты изъ нашей украины мадьярами, которые потомъ бросили ихъ, какъ бесполезную тягость, при порогѣ своего распространенія въ Панноніи. За тѣмъ еще позднѣйшее переселеніе Федора Коріатовича—изъ Подоліи въ Мункачъ—считалось второю эпохою, съ которой Закарпатъе наполнилось руссами. При такихъ предположеніяхъ понятно, что пребываніе нынѣшнихъ русняковъ въ Венгріи признавалось недостойнымъ занимать мѣсто въ древней исторіи и археологіи народа Русскаго.

„Я былъ точно того-же мнѣнія, пока не познакомился лично съ венгерскими русняками, съ мѣстностью ихъ настоящихъ жилищъ и окружныхъ странъ, съ преданіями, искони существующими у карпаторуссовъ, равно какъ и съ преданіями самыхъ венгерцевъ и другихъ окрестныхъ народовъ, въ ихъ полнотѣ и чистотѣ, изъ самыхъ источниковъ. Напротивъ того, теперь я убѣдился вполне, неопровержимыми доказательствовами, что русская стихія простиралась на Юго-Западъ, по обѣ стороны Карпата, вплоть до Дуная, задолго до вторженія мадьяровъ въ Панонію; что мадьяры: не привели сюда съ собою руссовъ. а нашли ихъ здѣсь, осилили, расположились жить и господствовать межъ нихъ, и такимъ образомъ разорвали то непосредственное сосѣдство, въ которомъ руссы, по свидѣтельству и нашихъ отечественныхъ, и чужихъ преданій, находились нѣкогда съ сербами, хорватами и славяно-чехами. Доказательства, на коихъ основалось мое переубѣжденіе суть: историческія, этнографическія, топографическія и даже лингвистическія. На сей разъ упомяну объ одномъ, у насъ едва-ли извѣстномъ фактѣ, но котораго важность чрезвычайна; въ Трансильваніи, въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокѣ Ольты, между румынами, мадьяро-сеглерами и саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются „Русскими“, жители которыхъ, на памяти нынѣ живущаго поколѣнія, говорили между собою „по русски“, т. е. Карпато-Русинскимъ, или что то же малороссійскимъ языкомъ! Никто не знаетъ и не помнитъ, какимъ образомъ и когда образовались здѣсь эти оазисы: они, очевидно, отмыты отъ родного материка приливомъ мадьяровъ и нѣмцевъ. Что можно сказать противъ этого живого вопіющаго свидѣтельства?

„Какой новый свѣтъ открылся мнѣ, когда я подъ моею путническою ногою, ощутилъ вездѣ слѣды старой самородной Русской жизни на этомъ забытомъ нами пространствѣ Южно-Славянскаго міра. Начало нашей исторіи, происхожденіе и смыслъ нашей древней лѣто-

писи, разлитіе благодатныхъ лучей христіанства въ нашемъ Отецествѣ, путешествіе къ намъ церковно-славянскаго языка, имѣвшаго столь существенное вліяніе на наше умственное и литературное образованіе: всѣ эти пункты, болѣе или менѣе загадочные, болѣе или менѣе сумрачные, прояснились. Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о расселеніи Славяно-Россовъ на сѣверѣ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живого нагляднаго познанія При-дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнью. Я понимаю даже сказку о Кіѣ основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженнѣйшихъ читателей древняго лѣтописца считаютъ басней, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ „Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ“, сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ Лѣтописяхъ: эту загадку Соинкса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа. Понимаю образованіе древней нашей Иерархіи, пугающее изслѣдователей своею темнотою и недостоувѣрностію; и проч. и проч“.

Послѣ Н. И. Надеждина вопроса о русскомъ имени на Карпатахъ касались: академикъ А. А. Куникъ, проф. В. И. Ламанскій, нѣмецкій ученый Рэслеръ, академикъ В. Г. Василевскій, проф. А. А. Кочубинскій и проф. Ѳ. И. Успенскій. Обо всѣхъ этихъ попыткахъ выясненія русскаго имени Угорской Руси, проф. И. П. Филевичъ въ своемъ сочиненіи „Угорская Русь и связанные съ нею вопросы и задачи русской исторической науки“ (Варшава, 1894 г., стр. 11—12) говорить слѣдующее:

„Все это только отрывки и наброски: ничего не только цѣльнаго, но даже сколько нибудь опредѣленнаго. Въ теченіе полувѣка послѣ Надеждина разработка занимающаго насъ вопроса, собственно говоря, не подвинулась ни на шагъ. Русская мысль боролась съ норманистами подъ знаменемъ Руси поморской, роксоланъ, скивовъ и наконецъ готтовъ. Угорская Русь, ни разу не выступала на сцену прямо, но несомнѣнно всегда скрывалась за кулисами, смущая своимъ именемъ спокойствіе всѣхъ названныхъ ученыхъ партій, къ рѣшительнымъ или умѣреннымъ сторонникамъ которыхъ принадлежатъ у насъ въ настоящее время всѣ представители русской исторической науки. Во взглядахъ на Угорскую Русь ученые до сихъ поръ колеблются между двумя противоположными взглядами: ак. Куника съ одной и Надеждина съ другой стороны. Существенная разница обихъ взглядовъ заключается

не въ научномъ ихъ обоснованіи, а такъ сказать, въ научной обстановкѣ и, пожалуй, въ тонѣ, весьма рѣшительномъ у норманистовъ, весьма робкомъ у ихъ противниковъ. Упомянутія объ Угорской Руси находятъ, какъ мы видѣли, мѣсто лишь въ примѣчаніяхъ и приложенияхъ. Специальнаго изслѣдованія, посвященнаго вопросу о русскомъ имени на Карпатахъ нѣтъ, и ученые упоминаютъ объ этомъ только по случаю, попутно“.

Съ исчерпывающей полнотой этотъ же вопросъ проф. И. П. Филевичъ разобралъ въ своемъ трудѣ „Исторія древней Руси“ (Варшава, 1896 г.), посвященномъ выясненію „связи Руси Карпатской съ остальнымъ русскимъ міромъ“ (стр. 23).

Мы нарочно подробно остановились на вопросахъ, изложенныхъ въ первыхъ двухъ параграфахъ сочиненія А. В. Духновича, такъ какъ они касаются основныхъ задачъ русской исторической науки.

Теперь перейдемъ къ содержанію остальныхъ четырехъ параграфовъ „Истинной Исторіи Карпато-Россовъ“.

Въ § 3 („О древнемъ и новѣйшемъ Угросословіи“) А. В. Духновичъ подчеркиваетъ на то обстоятельство, что коренное угро-русское населеніе оказало огромное культурное вліяніе на пришедшихъ въ Угрію мадьяръ, которые заимствовали не только множество словъ, но даже и характеръ областнаго управленія отъ угро-россовъ и вообще славянъ.

Въ § 4 („Особенныя доказательства о блаженнѣйшемъ Россіанѣ въ Угорщинѣ состояніи“) авторъ прежде всего пытается разъяснить вопросъ, откуда Угрія или Угорщина получила свое названіе. По его мнѣнію слово Угрія происходитъ отъ имени Игоря (внука русскаго князя Олега). Послѣ этого разъясненія, А. В. Духновичъ переходитъ къ вопросу о положеніи угро-россовъ въ древнія времена пользовались въ Угріи самоуправленіемъ.

Въ § 5 („Доля Угорскихъ Россіанъ измѣнилась и они угнѣснены“) разсказывается о постепенномъ ограниченіи автономныхъ правъ угро-русскаго народа. Положеніе угро-россовъ ухудшилось со времени правленія короля Стефана, женившагося на Гизелѣ—дочери баварскаго короля Генриха, и вслѣдствіе этого поддавшагося вліянію католиковъ. Вмѣстѣ съ Гизелою изъ Баваріи прибыло множество латинско-нѣмецкихъ священниковъ, которые принялись въ Угріи за истребленіе греческаго

обряда. Возмущенные насиліемъ латинскихъ священниковъ, христіане греческаго обряда поднимали нѣсколько разъ возстанія, которыя, однако, всегда подавлялись въ потокахъ крови. Авторъ подробно останавливается на описаніи возстаній православнаго населенія, благодаря чему пятый параграфъ его „Исторіи“ получаетъ большой интересъ и даетъ цѣнный матеріалъ для изслѣдователей угро-русской церкви.

Въ § 6 („Состояніе Русиновъ подъ Царями Угорскими“) А. В. Духновичъ говоритъ о томъ, что угорскіе цари (вѣрнѣе—короли), слѣдуя въ своей внутренней политикѣ ли примѣру Стефана, всячески притѣсняли православныхъ угро-россовъ, которымъ съ потерей своей православной церкви угрожала возможность и потери своей русской народности.

Таково содержаніе „Истинной Исторіи Карпато-Россовъ“.

А. В. Духновичемъ написаны слѣдующія историческія сочиненія: „Биографія Василя Поповича“ (по латыни; остается въ рукописи), „Исторія Пряшевской епархіи“ (издана въ 1878 году въ Петроградѣ) и „Истинная Исторія Карпато-Россовъ“ (впервые напечатана нами въ Русскомъ Архивѣ). Кромѣ того, А. В. Духновичъ написалъ нѣсколько такихъ сочиненій, гдѣ угро-русская исторія занимаетъ если не главное, то все таки весьма видное мѣсто.

Самымъ характернымъ историческимъ трудомъ А. В. Духновича является его „Истинная Исторія Карпато-Россовъ“. Главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ, въ противоположность Базилевичу и Лучаю, впервые въ Угорской Руси изложилъ ея исторію по-русски. Уже самое заглавіе этого сочиненія указываетъ на то, что авторъ задался цѣлью написать истинную исторію угро-россовъ, которая бы опровергла тенденціозные взгляды мадьярскихъ, нѣмецкихъ и другихъ иноземныхъ историковъ; А. В. Духновичъ дѣйствительно смѣло поставилъ многіе вопросы, за что, вѣроятно, навлекъ бы на себя гоненія, въ случаѣ выхода „Исторіи“ въ свѣтъ, какъ это, на примѣръ, имѣло мѣсто при изданіи его „Литургическаго катехизиса“. Всѣ сочиненія А. В. Духновича имѣли для будущихъ поколѣній угро-россовъ большое воспитательное значеніе, пробуждая въ нихъ любовь къ родинѣ и стремленіе трудиться для ея процвѣтанія. Поэтому и при составленіи своей „Истинной Исторіи Карпато-Россовъ“ авторъ обратилъ главное вниманіе не на методъ и строгую научную обработку историческаго матеріала, а на ознакомленіе читателей съ тѣми момен-

тами угро-русской исторіи, которые имѣли наиболѣе точекъ соприкосновенія съ современной дѣйствительностью. Впрочемъ, во времена А. В. Духновича нечего было и думать о строго-научной обработкѣ угро-русской исторіи, такъ какъ не были еще изслѣдованы важнѣйшіе матеріалы, за опубликованіе нѣкоторыхъ принялись только въ XX вѣкѣ!

Ө. Ө. Аристовъ.

